

СТРАТЕГИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

АЛЕКСАНДР
ТОРОПЦЕВ

Александр Торопцев

**Стратегия Второй
мировой. Восточный фронт**

«Алисторус»

2018

УДК 82-312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Торопцев А. П.

Стратегия Второй мировой. Восточный фронт / А. П. Торопцев —
«Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907120-51-8

В книге, в доступной для юного читателя форме, рассказано о ходе Великой Отечественной войны, начиная от хроники сражений и заканчивая эмоциональным описанием подвигов советских солдат, офицеров и генералов. Автор поведал о героях всех родов и видов войск, а также о советских партизанах и подпольщиках, беспощадно громивших врага. Отдельная часть книги посвящена огромной роли Русской Православной церкви в поднятии боевого духа советских воинов.

УДК 82-312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907120-51-8

© Торопцев А. П., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Часть I	6
Глава 1. «Барбаросса». Вторжение	6
Подвиги	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Петрович Торопцев

Стратегия Второй

мировой. Восточный фронт

© Торопцев А.П., 2018

© Детский книжный, 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

Часть I Блицкриг

Глава 1. «Барбаросса». Вторжение

Нацистская Германия вела подготовку к войне против Советского Союза по всем составляющим военного искусства. По заданию Гитлера немецкий генеральный штаб разработал план «молниеносной войны» «Барбаросса». Немцы не забыли средневековых германских императоров, сам термин «Дранг нах Остен» («Натиск на Восток»), военную историю своей страны, своего народа. И Великая Отечественная война чем-то схожа была с очередным «Крестовым походом» западноевропейских армий на Россию.

Фридрих I Барбаросса (1122–1190) – германский король и император Священной Римской империи – известен походами на Апеннинский полуостров и организацией 3-го Крестового похода, во время которого он утонул в реке Салефа в Малой Азии. Во времена его правления Священная Римская империя достигла вершины могущества и славы.

О победоносном походе на Советский Союз, о мировом господстве мечтали разработчики плана «Барбаросса». В последний день июля 1940 года Гитлер на одном из совещаний недвусмысленно заявил: «Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция только тогда будет иметь смысл, если мы одним ударом разгромим государство». Генералы Кейтель, Йодль, Гальдер полностью разделяли эту мысль фюрера, уверенные в том, что Советский Союз можно сокрушить одним мощным ударом. Впрочем, не все немецкие военачальники разделяли это мнение. Некоторые генералы и политики предостерегали Гитлера и даже отговаривали его от войны с Советским Союзом. Но молодые военачальники уверяли, что советский многонациональный колосс рухнет при первых же ударах вермахта... И в декабре 1940 года фюрер подписал директиву Генштаба о плане «Барбаросса».

Согласно плану, наступление германских войск должно было вестись по трем направлениям: первое – из Восточной Пруссии через Прибалтику на Псков и Ленинград; второе – из столицы Польши на Минск, Смоленск и Москву; третье – из Люблина на Житомир, Киев. Вспомогательные удары должны были наноситься из Финляндии по Мурманску и Ленинграду, а из Румынии – по Кишиневу.

Командование вермахта сформировало три мощных группы армий: «Север», «Центр», «Юг». Началась работа по развертыванию вдоль границ Советского Союза крупнейшей в мировой истории военной лавины, которая просто обязана была уничтожить социалистическое государство. Прекрасные организаторы, немцы все делали скрытно. Нотакое глобальное действие скрыть от людей, от правительств других великих и малых держав было невозможно. Чтобы обосновать это утверждение, мы напомним читателю факты.

Германия выдвинула на границы СССР 4,6 млн человек, союзники – 900 тысяч человек. На близлежащих аэродромах изготовились к боевым вылетам 4950 самолетов. В укрытиях стояло 2800 танков, более 48 тысяч орудий и минометов. 60 % личного состава вооруженных сил немцы отправили воевать в Восточную Европу. И этот процент будет постоянно увеличиваться.

К середине июня немцы были полностью готовы к прыжку на Восток. Но прежде, чем рассказать о первых днях войны, мы считаем нужным процитировать одно из высказываний Гитлера 23 мая 1939 года на совещании в имперской канцелярии крупнейших военачальников вермахта. Отвечая на вопрос фон Браухича о длительности войны, фюрер ответил: «Любые вооруженные силы и любое государство должны стремиться к короткой войне. Но, несмотря

на это, государственное руководство обязано готовиться и к войне продолжительной от десяти до пятнадцати лет».

Да, Гитлер мечтал о блицкриге, но он готов был вести и затяжную войну. Он-то готов был. Да только могла ли Германия воевать так долго? А народы земного шара, втягиваемые волей-неволей в крутую воронку войны?

План «Барбаросса»

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ ВНЕЗАПНО, ВЕРОЛОМНО И НЕОЖИДАННО

В середине июня 1941 года 15–16-летние юноши и девушки получили аттестаты об окончании семилетних школ. Еще через неделю аттестаты об окончании «десятилеток» получили их 17–18-летние друзья. Все они знали, чем будут заниматься в ближайшие годы. Кто-то мечтал работать на фабриках и заводах, на стройках или на полях колхозов и совхозов, в институтах и научных заведениях. Кого-то манило небо, кто-то мечтал о морских походах. А кто-то хотел влюбиться, выйти замуж или жениться, нарожать побольше детей, воспитать их, выучить.

Мечтали люди юные, их родители, и старики мечтали нянчить внуков, рассказывать им по вечерам сказки да рассказы о жизни. Все они мечтали жить. Никто из простых советских людей не знал, что 1 июня 1941 года для солдат, офицеров и генералов германской армии были составлены «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими». В этом зверином документе, в частности, говорилось: «Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство...»

14 июня, заканчивая последнее перед вторжением в СССР совещание с командующими армий, Гитлер крикнул: «До встречи на параде на Красной площади в Москве!»

Ровно через неделю выпускники советских средних школ, нарядные, веселые, пошли, чмокнув родителей, на выпускные вечера, на школьные балы.

В тот же день, 21 июня 1941 года, вся боевая техника, весь личный состав германской армии и армий союзников Гитлера были готовы к войне.

Советские девушки и юноши кружились в вальсах в актовых залах школ, читали стихи, пели песни, бродили по улицам вечерних городов и сел, по паркам и набережным – им не хотелось спать в ту ночь, такую короткую, такую для них всех памятную.

Немецкие солдаты легли спать рано и спали крепко. Они обязаны были как следует отдохнуть перед долгой и тяжелой военной работой. В начале 1941 года глава гестапо Гиммлер сказал подчиненным, что одной из целей войны против СССР «является уничтожение 30 млн славян». А в плане «Ост» («Восток»), составленном правительством Германии, говорилось о физическом истреблении народов Восточной Европы, о заселении этой территории немцами.

Гитлеровские солдаты спали крепко. У каждого из них была специально изданная перед войной в Восточной Европе «Памятка немецкого солдата», в которой говорилось: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание – убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, – убивай...»

Было уже далеко за полночь, когда советские выпускники школ разошлись по домам, легли спать, вспоминая прекрасный вечер, друзей, подруг, любимых: школьные балы – прекрасное время для признаний в любви, это все знают. И сколько робких признаний в любви было в тот вечер, короткий, как жизнь!

Было далеко за полночь, когда нацистские летчики сели в мощные бомбардировщики, когда артиллеристы заняли места у орудий, когда изготовилась к прыжку на Восток гитлеровская армия.

И в 04:00 война началась.

ПРИГРАНИЧНЫЕ СРАЖЕНИЯ

Вечером 22 июня в наркомате обороны СССР прошло совещание высшего военного и советского руководства. Все военачальники и руководители страны понимали сложность положения. Наркомат обороны страны не имел надежной связи с войсками. Никто толком не знал, что же происходит на границе Советского Союза от Баренцева до Черного морей. В истории случались аналогичные трагедии. Очень часто они приводили к гибели государств. Очень часто главной причиной гибели являлись не внезапность вторжения врага, не его превосходство в военной мощи, а растерянность руководителей и паника среди народа. На это и рассчитывали гитлеровцы, одержавшие несколько побед над странами Европы именно из-за того, что «верхи растерялись», «низы запаниковали», и боевой дух в армии надломился.

В наркомате обороны СССР растерянности не было.

На совещании приняли решение отправить на Западный фронт Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, а на Юго-Западный фронт – генерала армии Г. К. Жукова. Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко поставил фронтам задачу нанести 23-го и 24 июня контрудары по флангам противника на сувалкском и люблинском направлениях и взять Сувалки и Люблин. Советские танкисты ринулись в бой на шыуляйском направлении и на гродненском направлении.

**Немецкие солдаты при поддержке бронетранспортера
вступают в горящую белорусскую деревню.
26 июня 1941 года**

Немецкие солдаты при поддержке бронетранспортера вступают в горящую белорусскую деревню. 26 июня 1941 года

За двенадцать лет до начала войны Триандафиллов, а чуть позже Тухачевский разрабатывали «теорию танкового корпуса». Теперь, когда началась война, советским танкистам пришлось платить жизнями за то, что это дело, хотя бы тайно, в академиях, не проработали до конца. Ошибка? Ошибка. Об ошибках нужно говорить после войны. На войне все ошибки нужно исправлять и чем быстрее, тем лучше. «Не ошибается тот, кто ничего не делает». Ошибается тот, кто не исправляет свои и чужие ошибки. И учится побеждать. Контрнаступление на северо-западном и западном направлениях отменили уже 25 июня. Не получилось здесь. Но даже эта осечка сыграла положительную роль: немцы приостановили натиск, советский народ получил два-три дня.

На Юго-Западном фронте дела шли лучше. Здесь советские танкисты нанесли по врагу контрудары. В районе между Луцком, Бродами, Ровно и Дубно до 29 июня продолжалось крупное танковое сражение. С обеих сторон участвовало более 1,5 тысячи танков. Общее руководство четырьмя танковыми корпусами осуществлял Г. К. Жуков (но его вскоре вызвали в Москву), и твердую руку бывшего крестьянского сына, а теперь – генерала, почувствовали немцы. Генерал Гальдер в дневнике записал 26 июня: «Группа армий „Юг“ медленно продвигается вперед... неся значительные потери. На стороне противника... отмечается твердое и энергичное руководство... Противник... значительными силами танков перешел в наступление на южный фланг 1-й танковой группы».

Немцев здесь потрепали изрядно. Но Жукова отозвали в Москву, а немецкую танковую группу поддержала авиация. Вражеские самолеты бросали на танки бомбы, поливали их горючей смесью. Наступление советских механизированных корпусов пришлось остановить. Но даже генерал Гальдер отметил, что удар русских между Бродами и Дубно вызвал у немцев панику. Он же написал 27 июня, что «русские всюду сражаются до последнего солдата». Немцы хотели точно выполнить план «Барбаросса». Они имели громадное военное преимущество,

они не знали, что такое паника. Но уже на пятый день войны на Восточном фронте они запаниковали.

ПЕРВЫЕ ВОСЕМНАДЦАТЬ ДНЕЙ ВОЙНЫ

К 9–10 июля фашисты продвинулись вглубь СССР приблизительно на 300–600 километров, оккупировав Литву, Латвию, Белоруссию, часть Молдавии и Украины. Советский Союз потерял огромные запасы горючего, боеприпасов, вооружения, боевой техники, много солдат и офицеров. Западнее Минска в окружении оказались несколько дивизий. Многие из бойцов прорвались из окружения, кто-то организовал партизанские отряды и продолжил борьбу. Немцы мечтали добить противника летом-осенью 1941 года. Они рвались к Смоленску, надеялись взять его сходу, чтобы таким же быстрым темпом отправиться на Москву. Они не обращали внимания на потери, которые составили в первые дни войны «около 100 тысяч человек, свыше тысячи самолетов, до полутора тысячи танков (50 процентов всех имевшихся в начале войны)» (Г. К. Жуков в книге «Воспоминания и размышления»). Немцы знали, что промышленность Германии, ее союзников, а также ресурсы стран, оккупированных Третим рейхом, уже несколько лет сориентированы на производство военной продукции, выпуск которой увеличивался буквально с каждой неделей. В Советском Союзе, потерявшем большие промышленные районы и города, ситуация была близкой к хаосу. Гитлер гнал и гнал свои армии на Восток. Важен был каждый день, каждый час, каждый, даже небольшой, промышленный город.

А уж такой, как Смоленск, – особенно.

Это и стратегически, и исторически важный город, и крупный промышленный центр.

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ (10 ИЮЛЯ – 10 АВГУСТА 1941 ГОДА)

Гитлеровские генералы в начале июля почему-то подумали, что война в Восточной Европе уже выиграна.

Начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал Гальдер записал в дневнике: «Задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена. Поэтому не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна за 14 дней».

Он проанализировал исход сражений в первые две недели войны и вполне обоснованно решил: Советскому Союзу не выстоять, слишком большие потери он понес.

Адольф Гитлер заявил 4 июля 1941 года: «Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстанавить». Гальдеру и Гитлеру в голову не могло прийти, что поверженные русские не сдались, что возмущенный советский народ борьбу только начал.

«Все для фронта, все для победы!» – этот лозунг стал стимулом, символом, смыслом жизни *всех* мирных жителей Страны Советов, но почему-то немецкие аналитики не обратили на него внимание. Они не понимали, почему русские солдаты, офицеры и генералы стоят насмерть, сражаются за каждый клочок родной земли, за каждый холмик, за каждую кочку. Со стороны, с немецкой стороны, это выглядело ненормально: зачем русским сопротивляться, если 10 июля немцы подошли к Ленинграду, Смоленску, а на следующий день – к Киеву? Если у русских и воевать-то (по мнению немцев) было нечем и некому? Гитлеровские генералы, абсолютно уверенные в своей непобедимости, разработали с 14-го по 27 июля планы завоевания Кавказа, Ирана, Ирака, Урала. Они уже готовились в начале сентября отводить победоносные войска в Германию, сокращать армию. Для этого уже в июле группа армий «Север» должна была взять Ленинград. Группа армий «Центр» – окружить ударами с флангов войска против-

ника, уничтожить их, расчистить пути продвижения войск вермахта на Москву. Группа армий «Юг» – взять Киев и подготовиться к захвату Украины, Донбасса, Причерноморья. Финская армия помогала войскам вермахта в сражениях за Ленинград, Мурманск и Кировскую железную дорогу. Такие же вспомогательные задачи немецкие стратеги поставили перед румынами на юге Украины.

Все рассчитано, все предопределено, все подчинено плану «Барбаросса».

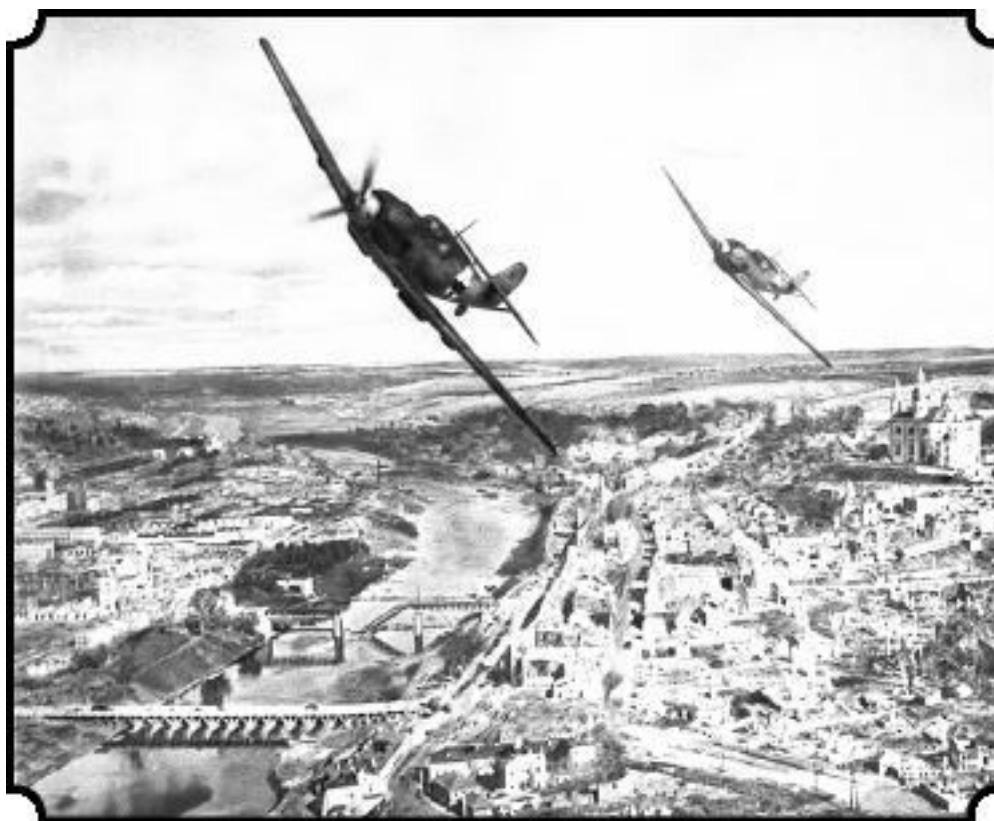
И первые дни боев между Западной Двиной и Днепром и в Смоленской области вроде бы шли по «немецкому сценарию». Они еще не догадывались, что начинается одно из ключевых в начале большой войны Смоленское сражение, которого в планах авторов «Барбароссы» не было.

Ударами на Великолукском направлении немцы взрезали оборону 22-й армии генерала Ф. А. Ершакова, окружили ее. На Витебском направлении фашисты одолели сопротивление 10-й армии генерала И. С. Конева и к 20 июня продвинулись на 150 километров. На юге группы армии «Центр» обошли Могилев с юга и с севера, взяли Оршу, Смоленск, Кричев, продвинулись на 200 километров. Немцам нужно было сделать еще одно усилие, и они окончательно сломили бы героическое сопротивление противника – так думали все (!) военные аналитики тех времен. Все.

Так не думали советские люди. Они продолжали упорно сопротивляться, они – и на это не обратили внимание ни немецкие боевые генералы и стратеги, никто в мире! – проигрывая начало Смоленского сражения, выигрывали его! Странно звучит, нелогично?

За десять дней немецкие танковые колонны продвинулись на 200 километров – это же победа! Нет, это не победа! Это всего 20 километров в день при подавляющем преимуществе немцев в технике, в личном составе. Это подвиг советских воинов. Они, теряя боевых товарищей, отступая, проигрывая, выигрывали главное – время.

Не стоит занижать способности германских генералов и военную выучку солдат и офицеров. Они в те недели боев выглядели организованней и слаженней. Они, как могли, решали задачу, уникальную в истории войн. Они бы ее решили.

Два немецких истребителя Bf 109 «Мессершмитт» над Смоленском

Два немецких истребителя Bf 109 «Мессершмитт» над Смоленском

Но уже 13 июля на левом фланге Западного фронта, на Бобруйском направлении начала наступление 21-я армия генерала Ф. И. Кузнецова. Да, наступала она еще медленнее, чем немецкие танковые колонны, но ведь наступала, круша план «Барбаросса», сковывая 15 немецких дивизий. Она сорвала наступление 2-й армии противника на Гомель и задержала немецкие танки на пути к Рославлю. Армия Ф. И. Кузнецова, охватывая группу армий «Центр» с юга, не давала возможности немцам высвободить войска для ударов на западном направлении.

В Смоленском сражении проявили себя солдаты и офицеры многих частей и соединений, в частности 63-го стрелкового корпуса комкора Л. Г. Петровского, который освободил города Жлобин и Рогачев. Это были небольшие города, и вскоре немцы оккупировали их, продолжая наступление на Москву. Но это были первые города, освобожденные советскими воинами от фашистов. Пусть и временно.

В боях под Смоленском родилась Советская гвардия. Высокое звание получали части, корабли, соединения и объединения Вооруженных сил Советского Союза за массовый героизм, мужество и высокое воинское мастерство, а также части реактивной артиллерии, гвардейских минометных частей (ГМЧ), первый залп которых был произведен 14.07.1941 года по железнодорожному узлу города Орша, где скопилась вражеская техника.

Чуть позже мы подробнее расскажем о «Катюшах» – так в народе называли боевые машины реактивной артиллерии, наводящие на фашистов животный страх...

Как ни сопротивлялись части Красной армии, сдерживая натиск врага, но танковые колонны глубоко вклинились в расположение советских войск, и Ставка приняла решение срочно выдвинуть на смоленско-московском направлении крупные силы, начать возведение мощных оборонительных рубежей на дальних и ближних подступах к столице СССР. 14 июля был образован Фронт резервных армий из войск, расположенных в тылу Западного фронта,

а 20 июля И. В. Сталин приказал С. К. Тимошенко сформировать из частей Фронта резервных армий ударную группу для овладения районом Смоленска и Оршей. Кроме этого, 13-я и 21-я армии Западного фронта выделялись в Центральный фронт (командующий Ф. И. Кузнецов).

В конце июля после короткого затишья бои на Смоленщине развернулись с новой силой. Ни та, ни другая сторона не выполнили поставленных перед ними задач. Но 30 июля Гитлер дал приказ о прекращении наступления на Москву, и в первых числах августа началась позиционная борьба равных по силе противников. Равных по силе противников! Директива № 34 германского верховного главнокомандования от 30 июля, во-первых, признала это равенство, во-вторых, дала советскому правительству и советскому народу время для осуществления многих сложных задач по организации на новый, военный лад жизни всего государства.

Во время и после Смоленского сражения вопрос стоял так: если Страна Советов совершит чудо и перестроит за несколько месяцев всю множественную технологию государства на военный лад, то она сможет продолжить борьбу с грозным врагом. Если нет, то немцы сокрушат СССР не сегодня, так завтра.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (10 ИЮЛЯ – 30 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА) КОРОТКОЕ, НО НЕОБХОДИМОЕ ВВЕДЕНИЕ

В 50–70-е годы автору этой книги не раз приходилось слышать от друзей-сверстников: «Если бы немцев не разгромили под Москвой, то Гитлер выиграл бы войну», или «если бы Ленинград взяли немцы...», или «если бы не Сталинград...», «если бы не Курская битва...», «если бы не партизаны...», «не танкисты...» и так далее. Мы, мальчишки, а позже – юноши, спорили чуть ли не до драки. Мы не понимали, что каждый из нас был одновременно и прав, и неправ. Повзрослев, отслужив в армии, почитав книги, мы поняли, что Великую Отечественную войну выиграла *все*, кто честно и мужественно *работал* на Победу в любой битве, на любом фронте, в тылу... И наши детские споры – нет, не показались нам смешными, хотя бы потому, что каждый из нас был прав наполовину.

Фашисты, кстати, тоже понимали, что любой значительный успех армий на любом фронте от Баренцева до Черного морей усложнит задачи русских вообще и на любом участке любого фронта.

Линия фронта уже с 10 июля 1941 года представляла собой напряженную, постоянно меняющуюся кривую линию, в которую с западной стороны жестко упирались армии захватчиков, а с восточной стороны – армии СССР. Это была «линия жизни и смерти», это был странный живой организм, готовый в любую минуту рухнуть, умереть – и тогда страшная беда обрушилась бы на всех советских людей.

Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно исследовать карту Восточной Европы и представить себе, скажем, такую ситуацию.

1. В то время как войска Западного фронта упорно сдерживали натиск группы армий «Центр», войска Юго-Западного и Южного фронтов проиграли бы сражения с немцами, и те прорвались бы к Киеву, а затем и к Харькову, взяли бы уже летом 1941 года Одессу, а там и Таганрог, Ростов, а оттуда устремились бы немцы в русское Черноземье, да на Северный Кавказ... Западный фронт удерживал бы позиции на Смоленщине, а тем временем немцы с юга прорвались бы к Рязани, к Туле и... сколько бы бед они натворили?! Но войска Юго-Западного и Южного фронтов и Черноморский флот держались!

2. Если бы не смогли удержать врага защитники Ленинграда, то аналогичная катастрофа нагрянула бы на Москву с севера! Но ленинградцы держались!

3. И Северный фронт держался, не подпуская фашистов к Мурманску, к Кировской железной дороге.

Любая серьезная крупная ошибка на любом участке советско-германского фронта могла бы стать для СССР роковой.

Ошибки, конечно же, были и в 1941 году, и в 1942 году. Но они не стали роковыми, потому что мощным был резерв духа и воли советского народа, вовремя исправлявшего свои же собственные ошибки.

Этим введением мы начинаем рассказ о защитниках Ленинграда, о великих людях великого города. О подвиге, равного которому мировая военная история не знает.

Гитлер приказал генералу-фельдмаршалу Вильгельму Йозефу Францу фон Леебу уничтожить части Красной армии в Прибалтике, захватить все военно-морские базы на Балтийском море, выйти через Двинск, Псков, Лугу к Ленинграду и взять город к 21 июля.

Фон Лееб прорвал оборону 8-й и 11-й советских армий и ринулся на восток. Удар танковой группы немцев был неожиданным для советских военачальников. Они потеряли связь между войсками, и теперь все зависело от тех, кто непосредственно отражал атаки захватчиков. Солдаты и офицеры дрались до последнего патрона, снаряда, – как и везде.

На подступах к Ленинграду

Но дела были очень плохие. К началу войны не удалось закончить строительство в Прибалтике Либавского, Шяуляйского и других укрепрайонов. Дороги, по которым навстречу немцам шли части Красной армии, запрудили беженцы. Гитлеровская авиация расстреливала мирных людей с воздуха. Много стариков, детей, женщин погибло в те страшные дни.

С севера, через Карельский перешеек, на Ленинград двинулись семь финских пехотных дивизий. К 10 июля войска Фон Лееба подошли к Ленинграду на 180–200 километров. Это расстояние он мог бы преодолеть максимум за 9–10 дней, перевыполнив задание Гитлера. Прекрасный военачальник, фон Лееб понимал, что, овладев Ленинградом, он если не решит исход войны в пользу Германии, то чрезвычайно осложнит положение русских.

10 июля ударом танковых групп южнее Пскова, немцы прорвали оборону противника, устремились ураганным потоком к Луге. Фон Лееб имел 340 тысяч человек, более 6 тысяч орудий и минометов, 326 танков, 1070 боевых самолетов. Советские войска заметно уступали германским по всем показателям. Кроме одного: неистребимого желания не пропустить немцев к Ленинграду

Еще в конце июня Военный совет Северного фронта вместе с руководителями города и области утвердил план строительства оборонительных укреплений на подступах к Ленинграду. В начале июля под Псковом, рекой Лугой, Новгородом, Старой Руссой, на Карельском перешейке начала создаваться система обороны из нескольких поясов. Ежедневно до полумиллиона ленинградцев выходили на оборонительные работы. Это – пятая часть всего населения города. В эти же дни ленинградцы перестраивали работу заводов и фабрик на войну, постоянно увеличивая выпуск продукции. Ленинградцы сформировали 10 дивизий народного ополчения, создали в тылу у врага мобильные партизанские отряды, и они уже начали свою работу.

Об ополченцах и партизанах мы еще поговорим, но немцы ринулись к Луге, на южных подступах к Ленинграду. Здесь оборонительные сооружения построили не полностью. Здесь по реке Мшаге и в районе города Луги заняли оборону четыре стрелковые дивизии, три дивизии народного ополчения, Ленинградское пехотное училище и отдельная горнострелковая бригада под общим командованием генерала К. П. Пядышева. В нижнем течении Луги стояла артиллерия полковника Г. Ф. Одинцова.

12 июля немцы прорвались к Луге, и вдруг убийственным огнем артиллерии моторизованный корпус захватчиков был остановлен.

Немцы не могли поверить, что времена, когда они «пробегали» на танках в среднем по 26 километров в день (не очень большая, но все-таки скорость!), безвозвратно канули в вечность. Теперь они воевали с организованным противником, пусть еще и неопытным, плохо вооруженным, но организованным. Получив отпор в одном месте, немцы форсировали Лугу юго-восточнее Кингисеппа, захватили два важных плацдарма, и начались здесь отчаянные бои.

Немцы не верили в силу русских и давили, давили на них. Русские не верили в свою слабость и дрались, не щадя себя. Они теряли сотни, тысячи, десятки тысяч боевых товарищей, но сдерживали врага и учились воевать, сеяли в стане противника сомнение: а можно ли таких людей победить?!

Курсанты пехотного училища и ополченцы бросались в атаки, пытались выбить немцев с плацдармов. Немцы держались, не обращая внимания на потери.

ВОЛЯ ФЮРЕРА

*«Гл. квартира фюрера. Верховное главнокомандование. 7.X.41 г.
Верховному главнокомандующему армией (операт. отд.)*

Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником.

Моральная правомерность этого мероприятия ясна всему миру. Если в Киеве взрывы мин замедленного действия создали величайшую опасность для войск, то еще в большей мере надо считаться с этим в Москве и Ленинграде. О том, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего человека, сообщило само русское радио.

Следует ожидать больших опасностей от эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнем.

Небольшие неохраемые проходы, делающие возможным выход населения поодиночке для эвакуации во внутренние районы России, следует только приветствовать. И для всех других городов должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины

артиллерийским огнем и воздушными налетами, а население обращено в бегство.

Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же как нельзя кормить их население за счет германской родины.

Хаос в России станет тем больше, а наше управление и использование оккупированных восточных областей тем легче, чем больше население городов советской России будет бежать во внутренние области России.

Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров.

По поручению начальника штаба верховного командования вооруженных сил – Йодль».

Из приведенного документа ясно, с какой «любовью» относился Адольф Гитлер к солдатам и офицерам вермахта. Этот же документ говорит о том, что же готовили захватчики советскому народу.

14 июля на новгородском направлении части Красной армии двухсторонним контрударом при поддержке авиации встретили вражеские моторизованные группы и отбросили их на 40 километров, при этом окружив целую танковую дивизию. Враг вырвался из окружения ценою огромных потерь. Сильный удар нанесла Красная армия по тылам 56-го моторизованного корпуса.

И немцы через девять дней отчаянных боев прекратили наступление на Ленинград до подхода основных сил группы армий «Север». И до 10 августа здесь, на Луге, наступило относительное затишье, а город получил возможность подготовиться к событиям более масштабным.

НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Ленинградское оборонительное сражение не ограничивалось боями на Луге.

Упорная битва Северо-Западного фронта за Талин продолжалась до 26 августа, когда Ставка приняла решение эвакуировать флот и гарнизон города в Кронштадт и Ленинград. Началась еще одна героическая страница Великой Отечественной войны.

Советские боевые корабли и транспортные суда вышли из Таллинской гавани, и тут же на них полетели из вражеских самолетов авиабомбы, и тут же заработала дальнобойная артиллерия немцев. А Балтийское море было заминировано. А вокруг советского каравана шныряли немецкие торпедные катера, капитаны которых держали перед собой карту минных полей. Можно ли провести в Кронштадт в таких условиях хоть несколько кораблей и транспортных судов? Любой бывалый морской волк, покрутив усы и попыхтев трубкой, скажет: «Несколько судов и боевых кораблей прорваться могли бы. Если бы им повезло. Но море бывает и щедрым, и злым».

Море бывает разным. Все герои того перехода знали это. Немцы перешли в наступление на Ленинград. Части Красной армии и ополченцы вели жестокие бои с агрессором. В городе на счету каждый солдат, каждое ружье, каждая пушка. Да, Таллин пришлось оставить – плохо. Но если фашисты возьмут Ленинград, то будет совсем худо. Нужно прорваться в город. Это невозможно – но так надо. Надо.

**Эсминцы Балтийского флота идут строем пеленга
1941 год**

Эсминцы Балтийского флота идут строем пеленга. 1941 год

На минных заграждениях подорвались несколько эсминцев, сторожевых кораблей, тральщиков, много транспортных судов. Жаль. Но надо плыть дальше, надо помочь Ленинграду. Надо. Немцы, как воронье над полем битвы, кружились над караваном.

Моряки, солдаты и офицеры не спали сутками, следили за небом, за морем и шли, шли намеченным курсом. Они дошли до Кронштадта и до Ленинграда. Они сыграли важную роль в последующих событиях.

До конца июля немцы подтягивали к городу резервы, корректировали планы взятия Ленинграда. Защитники тоже не сидели сложа руки. В кратчайшие сроки они построили оборонительный пояс противотанковых рвов общей длиной более чем в 620 километров, 15 тысяч дотов и дзотов, 35 километров баррикад. На случай, если враг войдет в Ленинград, солдаты и горожане заминировали предприятия, мосты, общественные здания, подготовились к уличным боям.

31 июля перешли в наступление финские войска на Карельском перешейке, а еще через восемь дней немцы нанесли удар на Кингисеппском направлении, а еще через пару дней наступление начала вражеская группировка под Новгородом, затем – в районе Луги. А еще через несколько дней активизировались финские войска севернее Ладожского озера.

На Карельском перешейке защитники отступили и заняли оборону на государственной границе 1939 года, и стояли они здесь до лета 1944 года. Северо-восточнее Ладожского озера финские войска остановились на реке Свири – тоже до 1944 года.

В течение месяца немцы на Кингисеппском направлении преодолели 60 километров и остановились на рубеже Копорский залив – Ропша – Гатчина (Красногвардейск). Здесь героически сражались курсанты Высшего военно-морского училища имени Ф. Э. Дзержинского. Агрессоры, имевшие трехкратное преимущество в живой силе и технике, 15 августа взяли Новгород. Они ринулись к Чудову, но получили сильнейший контрудар из района Старой Руссы от 11-й армии Северо-Западного фронта и отползли на 60 километров. Части Красной армии

охватили смертельной косой правый фланг немцев под Старой Руссой. Здесь хорошо сработала советская авиация, поддерживавшая ударные колонны пехоты.

Немцы перебросили из-под Смоленска под Ленинград крупный моторизованный корпус. До конца сентября они то там, то здесь пытались прорваться к Ленинграду, где-то имели кратковременный успех, но защитники с каждым днем, с каждым проигранным метром советской земли сражались упорнее, умелее, злее. Фронт стабилизировался и южнее города. Немцы блокировали город. Войска захватчиков слева вышли к Финскому заливу, справа – к Ладожскому озеру, перехватили сухопутные коммуникации Ленинграда с внешним миром.

В одном из документов говорилось: «Сначала мы герметически блокируем Ленинград, разрушаем его авиацией и артиллерией, оставляем гарнизон и горожан зимовать в условиях блокады, а весной мы вывезем из города оставшихся в живых, вывезем их в Сибирь или отправим на работы в Германию, сровняем Ленинград с землей и передадим это ровное место Финляндии».

И немцы сделали бы это! Если бы ленинградцы пустили бы их в город.

Г. К. ЖУКОВ И ЛЕНИНГРАД

В конце августа Ставка поделила Северный фронт на Карельский и Ленинградский, который во главе с героем Гражданской войны К. Е. Ворошиловым непосредственно отвечал за оборону Ленинграда. Климент Ефремович Ворошилов, партийное и советское руководство сумели перестроить жизнь громадного мирного города на военный лад. Они это сделали. Но сейчас городу нужен был генерал с опытом ведения боевых действий в новых условиях.

12 сентября, в разгар боев на подступах к городу, сюда прибыл Г. К. Жуков.

Авторитет его как крупнейшего военачальника был в армии и в народе очень высок. Все ожидали от него решительных, смелых действий. Все в городе чувствовали, что нужно что-то предпринять для сдерживания остервеневшего врага. Защитники проявляли чудеса героизма и массового самопожертвования, а немцы давили, давили. Что-то нужно было срочно предпринять, чтобы не иссякли физические силы оборонявшихся. Что?

Г. К. Жуков быстро оценил ситуацию и приказал перевести значительное количество моряков с кораблей на берег, снять некоторые части с Карельского перешейка и отправить их на самые опасные участки фронта, в район Урицка и на Пулковские высоты, сформировать резервные части, пополнив их ополченцами, использовать часть зенитных орудий для борьбы против танков. Он собрал в ударную группу 50 тысяч солдат, хорошо вооруженных и оснащенных боевой техникой, и нанес неожиданный удар в направлении Колпино – Ям – Ижора. Немцы поняли, что если русские добьются здесь успеха, то следующим их шагом будет убийственный фланговый удар по главным их силам.

Г. К. Жуков на фронте. Июль 1941 года

Г. К. Жуков на фронте. Июль 1941 года

Фон Лееб перебросил из-под Урицка механизированный корпус в район Колпино. Немцы остановили ценой больших потерь наступление советских войск. На штурм Ленинграда сил у них не хватило.

Это – Г. К. Жуков.

Он имел в Ленинграде то же, что и К. Е. Ворошилов. Но как он распорядился тем, что имел!

Немцы бросались на штурм укреплений. Дрались они хорошо. Им обещали награды, отдых после взятия Ленинграда. Они устали. Но продолжали атаковать. Защитники стояли насмерть. Что-то в их действиях изменилось. Немцы не сразу, но почувствовали эту перемену: меньше нервных движений стало в движениях русских, больше осмысленного, чем отчаянного. Это заметили и высшие советские и партийные руководители. Нервное напряжение у защитников пошло на убыль.

Это – Г. К. Жуков!

Уже в начале октября он покинул осажденный город. Здесь он свое дело сделал. Здесь он стабилизировал обстановку.

А немцы тем временем активизировали свои действия на московском направлении. Ставке нужен был Жуков в Москве.

НА ЮЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ

В июле Юго-Западный фронт вел оборонительные бои южнее Полесья, на подступах к Коростеню и Киеву. Южный фронт – в Молдавии. Захватчики имели двойное превосходство в численности войск, в орудиях, минометах, танках. На направлениях главных ударов они увеличивали это превосходство.

11 июля, прорвав оборону Красной армии на киевском направлении, моторизованные войска захватчиков подошли к столице Украины на расстояние 15–20 километров. И только здесь, на реке Ирпень, их остановили. 160 тысяч киевлян ежедневно строили оборонительный

рубеж длиной в 55 и глубиной в 6–10 километров. Он крутой дугой охватывал город с запада. Два с лишним месяца немцы безуспешно пытались прорвать оборону защитников «матери городов русских».

Они все еще были уверены, что «блицкриг» им по силам. А советские солдаты и офицеры не сдавались и сдаваться не собирались.

И. В. Сталин внимательно следил за положением дел под Киевом, не хотел отдавать город фашистам. А в самом городе шла большая работа по созданию на Украине большевистского подполья, системы партизанских отрядов, диверсионных групп. Здесь сформировали 11 партизанских отрядов в 1800 человек. Руководители партии и государства понимали, что немцы могут оккупировать и Киев, и Украину, но это не означало поражения СССР в войне. Продолжать борьбу в любых условиях решили и простые люди самых разных возрастов. Причем это явление было массовым, и не только на Украине, но и в Белоруссии, и в других оккупированных немцами республиках и областях Советского Союза.

В начале августа немцы перешли к обороне на рубеже Коростень – Киев. В 1941 году к оборонительным действиям немцы переходили в случае крайней необходимости. Из Германии и оккупированных ею европейских государств шли и шли эшелоны с личным составом, боевой техникой, вооружением, боеприпасами, продуктами на советско-германский фронт. У Сталина и других руководителей таких возможностей просто не имелось.

2 августа немцы окружили в районе Умани две армии противника. Пять дней советские воины пытались вырваться из окружения. Но прорваться к своим удалось немногим. Тысячи бойцов погибли. Еще больше попали в плен.

Немцы, получив подкрепления, вновь усилили давление и 20–25 августа вышли к Днепру, захватив почти всю Правобережную Украину. Советские войска удерживали плацдармы в районах Киева и Одессы.

Ухудшилось положение на Центральном и Брянском фронтах, что тут же сказалось и на Юго-Западном и Южном фронтах. Немцы начали охватное наступление на Юго-Западном фронте и 15 сентября окружили четыре армии противника, а 20 сентября заняли Киев.

В начале Киевской оборонительной операции численность личного состава Юго-Западного фронта составляла 677 085 человек. Избежали окружения 150 541 человек. Остальные погибли или попали в плен. Кто-то из бойцов и командиров ушел в партизаны. В плену оказалась около трети «первоначального состава армий, очутившихся в окружении». Это очень большие потери.

Немцы потеряли в тех боях 100 тысяч человек убитыми.

ОБОРОНА ОДЕССЫ

Пятого августа 1941 года командующий Южным фронтом получил приказ на оборону Одессы силами Отдельной Приморской армии, Одесской Военно-морской базы и городского населения. 19 августа, когда Южный фронт отошел за Днепр от Никополя до Херсона, был создан Одесский оборонительный район во главе с Г. К. Жуковым. Он подчинялся Черноморскому флоту. Противник имел пятикратное превосходство в живой силе. Он рассчитывал сходу взять город, но целых 73 дня защитники сопротивлялись.

***Морские пехотинцы с эсминца «Шарман» под Одессой.
Август 1941 года***

Морские пехотинцы с эсминца «Шарман» под Одессой. Август 1941 года

Большую роль в героической обороне Одессы сыграла созданная инженерами глубоко эшелонированная система оборонительных сооружений. Три оборонительных рубежа на подступах к городу и 250 баррикад на улицах Одессы возвели горожане. Участвовало в работах 100 тысяч одесситов. Они построили вокруг города 250 километров оборонительных сооружений.

Защитники дрались упорно, но общее ухудшение положения на Южном фронте в конце сентября вынудило Ставку согласиться с просьбой Военного совета Черноморского флота, и она разрешила эвакуировать Одесский оборонительный район. 16 октября Одесский порт покинул последний корабль.

ПЕРВЫЙ УДАР ПО БЕРЛИНУ

Германия возвысилась над Европой, Берлин возвышался над Германией. Жители столичного города чувствовали себя в полной безопасности. Для любого государства важно, чтобы столица и столичный люд чувствовал себя именно так.

В августе 1941 года немецкие армии подошли к Смоленску, Таллину, Ленинграду. Авиация Геринга бомбила Киев, Ленинград, Москву, Севастополь, другие советские города, а также аэродромы.

Геринг официально заявил, что ни один самолет СССР никогда не появится в германском небе, и немцы верили ему.

Хорошо жилось жителям Берлина в начале августа 1941 года. Оазис радости, уверенности в Европе, охваченной войной.

Однажды в 1-й минно-торпедный авиационный полк ВВС Краснознаменного Балтийского флота прилетел генерал-лейтенант С. Ф. Жаворонков, командующий авиацией военноморских сил страны. Он поставил командиру полка полковнику Е. Н. Преображенскому и комиссару полка Г. З. Оганезову сложнейшую задачу: бомбить Берлин!

Полка базировался под Ленинградом, выполнял обычную военную работу. Ну как – «обычную»? Летчики работали на износ, совершали по три-четыре боевых вылета в сутки. Они наносили бомбовые удары по скоплению войск противника, торпедировали корабли в морских базах, в море, бомбили пушечный завод в городе Турку. Они не жалели себя. Они работали на пределе возможного.

И все они мечтали бомбить Берлин. Это желание росло с каждой служебной поездкой в Ленинград, где летчики видели, что делает вражеская авиация с любимым городом. Надо бомбить Берлин, надо мстить агрессорам за каждую сброшенную на советскую землю бомбу, за каждую пулеметную очередь... Сколько раз советские слышали от ленинградцев усталые упреки: «Что вы, наши славные летчики, не даете отпор нацистам, позволяете им творить такое на нашей земле!»

Разве объяснишь согражданам, что они – бомбардировщики, что они свой долг перед страной выполняют сполна? Не объяснишь. И себе не объяснишь, и себя не успокоишь: летаю, мол, бомблю немцев, свое дело делаю честно. Нет. Не все делаю. Надо бомбить Берлин.

Ленинградцы и все советские люди были правы. Они создали за 20 лет после Гражданской войны могучее государство, они не щадили себя на стройках, заводах, в полях, в конструкторских бюро... Это действительно был тяжелый труд всех граждан. И вдруг их безнаказанно расстреливают с малой высоты немецкие летчики, на города и села летят бомбы, крушат все, что с любовью и великой самоотдачей построили они, труженики. Они имели право честно говорить обидные для летчиков слова.

Летчики не обижались – они хотели бомбить Берлин.

С. Ф. Жаворонков удивился, узнав, что в полку ждали этого приказа, готовились к нему, составив маршруты полета и отметив аэродром на острове Сааремаа, с которого можно взлетать. Полеты на Берлин были сложны именно с технической стороны, потому что самолеты «Ил-4» могли долететь до Берлина и обратно только с этого острова, самой ближней к столице Германии территории СССР. Причем с грузом до 1000 килограммов.

Уточнив детали операции, С. Ф. Жаворонков спросил:

– Сколько экипажей готовы выполнить это задание?

– Мы готовили 35 экипажей, – ответил командир полка, предъявляя командующему список, в начале которого стояли фамилии экипажа полковника Преображенского, комиссара Оганезова и штурмана капитана Хохлова.

С. Ф. Жаворонков хотел что-то сказать, но командир полка опередил его:

– Я считаю, что командир и комиссар обязаны возглавить операцию.

– Пожалуй, вы правы, – согласился командующий авиацией ВМФ. – Подготовьте 27 самых сильных экипажей...

И началась работа! Трое суток летчики, штурманы, инженеры и техники готовились к перелету на аэродром Кагул, построенный на острове Сааремаа перед войной для истребителей. Туда уже отправились отделение авиатехнического обеспечения, тральщики с авиабомбами, машины с авиационным топливом и продуктами, а также истребители поддержки. И после этого прилетели на аэродром бомбардировщики во главе с полковником Преображенским.

Опытные летчики, посадив боевые машины, осмотрели место дислокации. Взлетно-посадочная полоса «в обрез»: 1300 метров. Для истребителей вполне сносно, даже с запасом. Для «Ил-4» с тысячекилограммовым грузом длина ВПП на пределе. И сам аэродром зажат домами на западе, густым сосновым бором на востоке, хуторами на юге и севере.

Первые сутки личный состав авиагруппы провел в напряженной работе, строя рулежные дорожки, ведущие к хозяйственным постройкам за хуторами. Здесь, в замаскированных укрытиях, ставили бомбардировщики. Закончив с этим делом, командир полка взлетел на своем

самолете в воздух, сделал несколько кругов над Кагулом: хорошо замаскировали самолеты, с воздуха их не увидит даже опытный летчик.

Закончив работу, командир полка созвал летный состав на собрание. С. Ф. Жаворонков, командир оперативной авиационной группы, рассказал о политическом и военном значении операции. Летчики слушали его с волнением. Штурман капитан Петр Ильич Хохлов доложил о маршруте полета: сначала до берега Балтийского моря, оттуда до Штеттина, а уж оттуда на Берлин. Обратный маршрут был несколько иным: от Берлина до Кольберга, оттуда над морем до Сааремаа. Всего 1760 километров, из них над морем – 1400 километров, причем на предельной для «Ил-4» высоте в 7000–7400 метров. Продолжительность полета приблизительно семь часов. Маршрут рассчитан до минуты: расстояние для «Ил-4» критическое, другими аэродромами пользоваться практически невозможно. Улетел, долетел, сбросил бомбы на Берлин, повернул обратно... а вдруг за эти семь часов на Сааремаа опустится туман, вдруг немцы разбомбят взлетно-посадочную полосу, вдруг что-то еще помешает приземлиться на Кагуле! Тогда решай сам, летчик, в бензобаке горючего всего на 15–20 минут полета.

Летчики и штурманы слушали капитана Хохлова спокойно. Никто не думал о трудностях, о том, что дело это почти невыполнимое. Слишком много случайностей и неслучайностей нагромождено на «берлинском маршруте». Все летчики это понимали, знали, на что идут. Но лица их озаряла радость: надо бомбить Берлин!

Надо проскользнуть сквозь мощную противовоздушную оборону. Сбросить бомбы, листовки, повернуть машины, проскользнуть мимо ПВО, увернуться от истребителей, долететь до Сааремаа, посадить самолеты, отдохнуть, и – надо снова лететь на Берлин.

7 августа комиссар полка Г. З. Оганезов попросил генерала Жаворонкова включить его стрелком в какой-нибудь экипаж. Он тоже хотел участвовать в уникальной операции. Генерал отказал: у тебя, мол, и здесь работы хватает. Ты здесь нужнее, комиссар.

Накануне первого полета начальник штаба 3-й эскадрильи майор М. И. Котельников, не попавший в списки счастливчиков, обратился с той же просьбой, к полковнику Преображенскому и получил «добро»! Радостный, он стал готовиться к операции. Но перед вылетом все же спросил своего друга П. И. Хохлова:

Авиабомба — «подарок Гитлеру»

Авиабомба — «подарок Гитлеру»

– Скажи честно, Петр Ильич, мы можем долететь до Берлина?

– Мы долетим! – уверенно ответил капитан Хохлов, хотя про себя подумал: «Опытнейший штурман, много летавший на тяжелых самолетах в самых сложных условиях, сомневается!»

Да, сомнения терзали умы даже самых опытных. Но это не помешало тому же Котельникову просить командира полка внести его в список.

В 21:00 седьмого августа 1941 года капитан Хохлов открыл астролук, поднялся над кабиной самолета с ракетницей в руке, посмотрел на полковника Преображенского.

Тот спокойно приказал:

– Давай сигнал!

И в темное небо взлетела ракета.

И тут же загудели мощные двигатели. Флагманский самолет не спеша преодолел рулежную дорожку, подрулил к старту, где находился с двумя флажками в руках генерал Жаворонков.

Полетели! Через час – высота 4500 метров. Надели кислородные маски. Внизу облака, над самолетами луна.

Через два с половиной часа – высота 6000 метров. Температура воздуха в кабине минус 38 градусов. С трудом определили местонахождение. Помогли немецкие прожекторы, светлые линии которых вырывались в просветах облаков. Немцы наверняка видели летящие высоко в небе боевые машины, но им и в голову не пришло, что это советские бомбардировщики!

Взяли курс на Штеттин. Видимость улучшилась. Штеттин опознали без труда по работающему аэродрому. И здесь немцы обозначились, даже стали готовиться к приему самолетов, пролетевших, однако, мимо. Самоуверенность подвела фашистов. Но теперь нужно подлететь к Берлину, который защищали тысячи зенитных орудий, еще больше прожекторов, сотни

самолетов, множество аэростатов. Прорваться к германской столице в светлое время суток на «Илах» просто невозможно. Только ночью. Только в темноте.

Светлое пятно над огромным городом летчики увидели издалека. Оно быстро разрасталось, заполонило полнеба. Самоуверенные немцы! Ну никак они не могли подумать, что битые и разбитые (так им внушала пропаганда) русские осмелятся бомбить столицу Третьего рейха!

– Берлин перед нами! – доложил капитан Хохлов полковнику Преображенскому, тот дал команду аэронавигационными огнями остальным самолетам рассредоточиться и действовать во время бомбометания самостоятельно.

Немцы не реагировали на приближающуюся к городу большую группу самолетов. И началось!

Можно себе представить, что почувствовали немцы, когда слышали разрывы авиационных бомб на улицах родного города! Впрочем, они быстро сориентировались, город гасил огни, включал прожекторы, которые, рыская в черноте неба, пытались поймать хоть один вражеский самолет. Не повезло им в ту ночь. Истребителям тоже не повезло. Они шныряли по небу с включенными фарами, пытались высветить чужой бомбардировщик, но тщетно. Командиры «Илов» были начеку.

Летчики Преображенского знали, как трудно вырваться из щупалец прожекторов, и четко следили за перехватчиками, за наземными прожекторами. Им удалось оторваться от противника! Но эти тридцать минут нервы у летчиков были на пределе. Именно поэтому стрелок-радист сержант Кротенко не выдержал напряжения и передал радиogramму: «Задачу выполнил. Возвращаюсь».

В Кагуле, однако, эту весть приняли с радостью, и позже, на разборе полета, действия стрелка-радиста признали верными, хотя радиogramму он обязан был дать в эфир только над морем. А уж как радовался доброму известию Григорий Захарович Оганезов! Он прибежал из радиорубки в командный пункт, крикнул:

– Они бомбили Берлин и возвращаются домой!

В это время советские бомбардировщики прорвались сквозь зону ПВО, полетели над морем, снизились до 4000 метров и сняли кислородные маски. Дышать стало легче.

**Дальний бомбардировщик ДБ-3ф (Ил-4)
конструкции С. В. Ильюшина**

Дальний бомбардировщик ДБ-3ф (Ил-4) конструкции С. В. Ильюшина

В 3 часа 50 минут Преображенский посадил флагманский самолет, спустился на землю вместе с капитаном Хохловым и стрелками-радистами старшим сержантом И. И. Рудаковым и сержантом В. М. Кротенко. Командир без слов лег на землю под самолетом. Члены экипажа легли рядом. Хорошо! Земля теплая, солнце где-то рядом, утренняя тишина... какая там тишина! В небе самолеты авиагруппы гудят, заходят на посадку, садятся, выруливают на стоянки, на душе радость – выполнили задание и все вернулись.

Генерал Жаворонков подъехал, летчики поднялись. Семен Федорович обнял всех, поблагодарил, а уже после того, как летчики сообщив составили донесение в Ставку, адъютант Жаворонкова майор Боков вручил капитану Хохлову тяжелый ящик.

Летчики вскрыли его: ба! Марочный коньяк, несколько банок с консервами! Вечером за рюмкой коньяка отпраздновали успешную операцию. А утром – за работу.

Еще четыре раза советские летчики летали на Берлин, о чем можно прочесть в воспоминаниях Героя Советского Союза генерал-лейтенанта П. И. Хохлова. Каждый полет был сложнее предыдущего, потому что немцы стали осмоторительнее и внимательнее. В авиагруппе Преображенского появились первые потери. После одного из полетов не вернулся самолет лейтенанта Н. П. Леонова.

Группа Преображенского летала на Берлин, выполняла другие боевые задания, базируясь на Сааремаа до 5 сентября. За неполный месяц немцы подвергали Кагул жесточайшим бомбардировкам с неба, засылали на остров шпионов, группа теряла боевых товарищей, технику. Но летала и бомбила объекты врага. Немцы захватили Таллин, оттуда перестало поступать авиационное топливо, и группа Преображенского перебазировалась на аэродром, расположенный под Ленинградом.

На Сааремаа остались личный состав авиационно-технической базы, часть младших специалистов инженерно-авиационной службы. Их просто не на чем было перевезти на большую землю. Они влились в часть генерала Елисеева, которая почти вся погибла, приняв неравный бой с немецким десантом.

ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ ВОЙСКА В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

В 1929 году комбриг Леонид Григорьевич Минов отправился по заданию командования в США для закупки парашютов. Там, в городе Буффало, ему предложили прыгнуть с парашютом. Человек смелый, он без подготовки прыгнул один раз – пришел в восторг, прыгнул второй раз – совсем понравилось. Леонид Григорьевич вернулся на Родину и стал активно пропагандировать парашютный спорт.

Летом 1930 года он уже подготовил 30 парашютистов, которые 2 августа во время учений были выброшены с парашютами для решения тактической задачи. Этот день и считается днем рождения Воздушно-десантных войск.

На территории Ленинградского военного округа был сформирован отряд, по численности равный батальону, весь личный состав которого прошел парашютную подготовку. В других военных округах стали формироваться подобные отряды. Через два года эти подразделения перевели на штаты бригады. Их число быстро увеличивалось. В 1936 году на их базе началось формирование авиационных бригад особого назначения (АБОН). Увеличивалось число десантников и десантных бригад, полков в Красной армии. В 1934–1936 годах только на Украине подготовили 500 тысяч парашютистов.

В 1941 году началось формирование воздушно-десантных корпусов.

СТОЛИЦА СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

7 июля 1941 года войска группы армий «Юг» во главе с Г. Рундштедтом начали наступление на Киев. Оборону держали части Юго-Западного фронта, которыми командовал генерал-полковник М. П. Кирпонос. Ситуация в боях накалялась с каждым днем. 28 июля командующий фронтом разместил на ближних подступах к городу последние резервы, в том числе и части 2-го воздушно-десантного корпуса. Через неделю к Киеву стали прибывать части 3-го воздушно-десантного корпуса. Их бросали в бой сразу же после выгрузки из вагонов. Потери были очень большими. Но десантники вместе с пехотинцами потеснили немцев. Командующий группой армий «Юг» бросил в пекло сражения свежие силы. Кирпонос ответил контратакой частей 3-й воздушно-десантной бригады – контратака не удалась. Немцы упрямо шли вперед.

8 августа пехотинцы полковника Потехина, истрепанные, уставшие, стали отходить за огневые позиции артиллерии. Та еще стреляла, хотя комдив Потехин понимал, что долго артиллеристы не продержатся. Но и к пехотинцам претензий он не имел: выдержать такие тяжкие бои могли только герои, люди долга и чести.

И вдруг артиллеристы сначала почувствовали оживление в тылу, а потом увидели сильного, без тени усталости полковника с авиационными петлицами. Он спокойно расхаживал по огневым позициям, давал подчиненным указания, разворачивая для контратаки батальоны 212-й воздушно-десантной бригады. Это был полковник Иван Иванович Затевахин. Его спокойствие, его твердый шаг, будто на плацу перед торжественным маршем, его уверенность передавались всем.

Он развернул батальоны, взял автомат, крикнул: «Вперед! За Родину!» – и повел десантников в штыковую. Нацисты отступили. Какими огромными резервами владел командующий группой армий «Юг»!

Десантники держали позиции намертво. Гибли рядовые, офицеры. Немцы вводили все новые силы. Им удалось рассечь советские войска, и те начали подготовку к отступлению. Чтобы еще хоть на несколько дней придержать давление врага, Кирпонос бросил на участок прорыва немцев 5-ю воздушно-десантную бригаду полковника Александра Ильича Родимцева, получившего звание Героя Советского Союза за участие в гражданской войне в Испании в 1937 году.

**Иван Иванович Затевахин
(1901–1957)**

Иван Иванович Затевахин (1901–1957)

Десантники Родимцева выбили врага из Голосеевского леса и пригородного комплекса сельскохозяйственного института. Немцы понесли большие потери. И русские понесли большие потери. И те и другие умели воевать. Но у Г. Рундштедта резервы еще имелись. У русских их не было. В Киев, а затем и в Москву ушло донесение начальника штаба 37-й армии генерал-майора А. А. Мартынова о потерях в частях вообще и среди десантников особенно. В Москве трудно было кого-то удивить потерями среди личного состава. Но и там удивились: у десантников, которых бросали на самые опасные участки, осталось совсем мало рядовых и офицеров. Элитные войска, что и говорить! В мирное время разница между рядовым и офицером большая. В «элитном бою» она значительно уменьшается. Потому что очень часто десантников в бой ведут даже полковники, такие как Затевахин, даже генералы. Здесь, в десантных, «элитных» войсках русские традиции помнят острее. И русских генералов, водивших в штыковые атаки своих солдат, здесь помнят лучше. На то они и десантники.

В тех боях за Киев немцы поняли, что с ними бьются какие-то особые войска. А так как солдаты и офицеры ВДВ в те времена носили форму ВВС, то они думали, будто против них советское руководство бросило за неимением резерва летчиков. «Летчики» дрались так успешно, что командование группы армий «Юг» решило во что бы то ни стало уничтожить 2-й и 3-й воздушно-десантные корпуса. Немцы обрушили на 5-ю бригаду полковника Родимцева страшной силы удар. Десантники отбивали атаку за атакой, Родимцев ввел в дело курсантов школы младшего комсостава, отразил натиск. Захватчики, наступая широким огненным фронтом на позиции десантных корпусов, прорвались к штабу 6-й бригады. Офицеры штаба приняли бой. Весь день немцы атаковали. Штабисты спокойно отражали натиск, но положение было очень серьезным. Пришел вечер. Немцы готовились к утреннему штурму. Но утром в тыл прорвавшейся немецкой группировке ударил батальон капитана С. И. Галанова. Фашисты были уничтожены. Комбат погиб. Его место в строю занял начальник штаба батальона капитан Смолин.

**Полковник Александр Ильич
Родимцев (1905–1977)**

Полковник Александр Ильич Родимцев (1905–1977)

В тех боях с 4-го по 16 августа десантники выполнили свою задачу: немцы отошли на исходные позиции. Но как же много погибло в те огненные дни героев-десантников! В 3-й воздушно-десантной бригаде, например, осталось всего 375 человек. Вспомним, что бригада состояла из 3–4 батальонов, минометных и артиллерийских дивизионов, других подразделений. В каждом мотострелковом батальоне насчитывалось по 500–600 солдат и офицеров. А всего в бригаде могло быть от 2 до 2,5 тысяч человек. 10 августа в 3-й воздушно-десантной бригаде осталось менее 400 человек.

Также храбро, не щадя себя, советские элитные войска – десантники – сражались на других фронтах. Они понесли невосполнимые потери.

Советское руководство в августе 1941 года стало выводить из состава фронтов уцелевшие части ВДВ и отправлять их в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Лишь в Киевской операции продолжали драться десантники. Летние сражения показали, что сама идея воздушных десантов реализоваться в полной мере в условиях той войны не может, что надо сохранить элитные войска и найти им достойное применение. Ставка ВГК решила использовать десантников в качестве отборной пехоты, а в случае необходимости – в десантных операциях.

Подвиги

«ПЕРЕХОДИТЕ НАША СТОРОНА!»

В четыре часа начался артобстрел.

На заставе старшего лейтенанта Александра Николаевича Сивачева дневальный крикнул: «В ружье!», пограничники вскочили с кроватей и вскоре заняли круговую оборону.

Их трудно было ввести в заблуждение. Они знали наверняка, что война близка. С каждой неделей, а то и с каждым днем увеличивалось число нарушений государственной границы и всевозможных провокаций с немецкой стороны. А с запада слышен был тревожный гул сотен моторов, и не слышать его поутру на посту чуткие пограничники не могли. Они ловили шпионов, они не отвечали на провокации, они делали все, чтобы никто из гражданского населения, никто из родственников не догадывался об их мыслях, об их тревоге, о том, что они... знают о приближении войны. Пограничников трудно ввести в заблуждение!

– К заставе приближается рота фашистов! – крикнул Иван Корниенко, наблюдатель, и все в окопах напряглись и увидели солдат врага.

– Огонь! – раздалась команда Сивачева, и на фашистов обрушился шквал огня. Пограничники вели меткий огонь из пулеметов и автоматов, много немцев убили, ранили, и нацисты поползли назад. Трудно давалась им эта работа, они-то думали, что пройдут по советской земле с гордой ухмылкой победителей сначала до Москвы, потом до Урала и до самого Дальнего Востока. А тут их встретили огнем на первом же километре далекого пути!

**Александр Николаевич Сивачев
(1918–1941)**

Александр Николаевич Сивачев (1918–1941)

Отползли ужасами немцы, раненых прихватив, убитых оставив на поле боя. Получившие неожиданный отпор нацисты быстро пришли в себя и открыли по заставе такой плотный огонь из орудий и минометов, что, казалось, ни одной живой души не должно остаться ни на заставе, ни в ближайших окрестностях.

А затем была атака пехоты. Пограничники отбили натиск, и не успели они передохнуть, как враг бросил в бой свежие силы. С каждой атакой немцев становилось все больше. Их убивали. Но командиры кидали на заставу все новые и новые роты. После четвертой захлебнувшейся атаки немцы выкатили на поле боя три пушки и стали расстреливать заставу прямой наводкой. Пограничники несли потери. Был смертельно ранен душа заставы политрук Фоминов, погибло несколько солдат. Но бой продолжался.

И вдруг произошло неожиданное. Утренняя тишина зависла над израненной заставой, над горсткой советских пограничников. И они слышали ломаную русскую речь по громкоговорителю:

– Русские! Вы хорошо сражаетесь. Мы даруем вам жизнь и свободу. Переходите наша сторона. Иначе – всем смерть.

Русские промолчали. Это молчание слышала скошенная пулями трава, изрезанные стволы деревьев, руины пограничной заставы, и фашисты слышали молчание советских солдат, и злились, и загудели грузно двигатели танков, и восемь машин двинулись в бой.

Старший лейтенант Сивачев дал команду:

– Гранаты к бою!

Неравный бой продолжился. Один из танков загорелся. Другие прорвались к окопам пограничников, и все они в том бою погибли.

Застава Александра Сивачева дралась с фашистами двенадцать часов!

Пограничники Сивачева погибли за Родину, за родных, за друзей. И так дрались с врагом все пограничники. Немцы уже в первые дни войны поняли, что легкой прогулки по Восточной Европе, как это было в Польше, Бельгии, Франции и других странах, у них не будет. Но им даже в кошмарных снах не мог присниться тот ад, в который они сами ворвались.

МЫС ВАСИЛИЯ ПЕТРОВА

Сам погибай, а товарища спасай.

А. В. Суворов, генералиссимус, великий русский полководец

Лейтенант Репенко, командир одной из застав в Забужье, приказал подчиненным открыть склад оружия и боеприпасов, занять оборону. Война грохотала над Бугом уже несколько минут, немцы готовились к форсированию живописной реки, артиллерия захватчиков вела беспощадный огонь, снаряды взрывались все ближе к заставе. Два из них попали в казарму. Взлетела обломками крыша, обвалились стены, вспыхнул и быстро набрал силу огонь. Немцы собирались на левом берегу Буга, подтаскивали к воде лодки. Действовали они спокойно, будто собирались на большой пикник, не суетились. Одно отделение пехотинцев разместилось в большой лодке, ее толкнули с берега: плывите, мол, пировать, мы вас догоним. Заработали слаженно весла. Лодка уверенно подбиралась к правому берегу.

Но путь ей преградили меткие пули станкового пулемета. Это в дело вступил сержант Василий Петров, лучший на заставе пулеметчик. Он убил несколько солдат противника, и немцы дали деру.

Лейтенанту Репенко доложили, что в лесу, за крутым поворотом реки, противник готовит группу для удара во фланг позиций пограничников. Командир отправил туда пулеметный расчет Петрова с рядовыми Маршевым и Савиным. Они прибыли на указанное место и оборудовали огневую точку. Немцы обнаружили их и открыли по холму огонь из минометов.

Рядовой Маршевой получил ранение осколком. Немцы готовились к переправе. Маршевой истекал кровью.

Василий Васильевич Петров
(1920–1941)

Василий Васильевич Петров (1920–1941)

Петров приказал Савину переправить раненого на заставу. Рядовой Савин спросил: «А как же ты здесь, один-то?» Но командир расчета строго повторил: «Выполняй приказ!»

Он остался на холме один. Гитлеровцы будто бы и не торопились. Они сидели в лесу мирно, о чем-то переговаривались; может быть, раздумали переправляться на чужой берег? Нет, пограничников не обманешь. Уже несколько недель они с вершин окрестных холмов видели, как на левом берегу реки елозят танки, другая немецкая техника, как много там немецких солдат.

Скрытно от неприятеля он перенес пулемет из укрытия в воронку от снаряда, и фашисты вновь поплыли на лодках через Буг. И вновь нарвались на меткие пули Петрова. Озлившись, немцы ввели в дело артиллерию и минометы. Петров был неуязвим. Его пулемет пять часов держал границу на замке.

В полдень лейтенант Репенко получил приказ оставить заставу и соединиться с другими пограничниками у села Бортиева. Восемь часов непрерывных боев, восемь первых часов Великой Отечественной войны с регулярной армией противника советские пограничники – мы не боимся этого слова! – выиграли у гитлеровцев. Выиграли! Немцы почувствовали крепкую руку советского солдата, его неукротимую волю к победе, его выучку. Они не сломили боевой дух пограничников. А теперь им, пограничникам, нужно было организованно отступить. В конце концов, драться с регулярной армией должна регулярная армия...

Репенко послал двух бойцов к Петрову. Его ранило в ногу и в спину. Пограничники передали приказ командира. Петров спокойно посмотрел на них, затем кивком головы показал на немцев, готовившихся к очередному штурму его неприступной миникрепости, и сказал: «Я остаюсь. Прикрою ваш отход. Все однонемцы догонят вас со мной. Уходите!»

Пограничники сами понимали: спасти друга не удастся. Но разве по-людски это: оставлять на верную смерть друга, пограничника? «Я приказываю вам догонять наших!» – сурово повторил Василий Петров, и пулемет его меткий вновь окатил немцев градом пуль.

Пограничники вернулись к своим, доложили командиру о решении Петрова остаться. Услышав это, друг Василия, Федор Козлов умоляюще попросил: «Товарищ лейтенант, разрешите мне к Василию». «Не разрешаю!» – командир повел людей на восток.

Федор Козлов слышал пулемет друга и вспоминал, как прошлым вечером, последним мирным вечером, они с Василием ходили в увольнение в соседнюю деревню, как пели с деревенской молодежью песни за околицей, как возвращались на заставу. Василий веселый был человек и друг настоящий. Но война пришла, и бьется пулеметная дробь, бьется в груди Федора Козлова. Как кукушка отсчитывает дробь пулемета секунды жизни веселого Василия. Замолк пулемет, и невольно замедлился шаг небольшого отряда пограничников. Вновь застрочила гул-кая строка в воздухе, и веселее стало идти. Живет еще Василий, бьет врага.

Немцам надоело терять людей. Они обрушили на «крепость» Петрова ураганный артиллерийский и минометный огонь и вывели из строя пулемет Василия. У него остались только две гранаты. Нацисты переплыли Буг и осторожно, с двух сторон, поползли по склону холма наверх. Пулемет молчал.

И грустным шел на восток Федор Козлов. Он знал, что должно произойти.

Изнаненный Петров с трудом метнул во врага гранату – несколько немцев убил. Но услышал слева автоматную очередь, приник к земле, затаился: пусть подойдут поближе к воронке. Пусть больше нацистов подойдет к нему. И они подошли, и раздался взрыв.

Этот подвиг советского пограничника на живописном берегу Буга видели местные жители. Это они назвали мысом Василия Петрова его «крепость» и холм, на котором он убил около сотни немцев. На котором он погиб, победив.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Город Брест (до 1939 года Брест-Литовск) на реке Мухавец, в том месте, где она впадает в реку Буг, известен под названием Берестье с 1017 года. С 1795 года Брест принадлежал Российской империи, а в 1833 году здесь началось возведение крепости, защитники которой в 1941 году навечно прославили и город, и советского солдата. Совершенствовали Брестскую крепость вплоть до начала Первой мировой войны, но к началу Великой Отечественной войны, когда в разных армиях планеты появились артиллерийские орудия огромной разрушительной силы, фортификационное сооружение перестало играть роль крепости.

И нацисты это понимали. Обладая громадным численным превосходством, имея танковые корпуса, немцы в первый же день наступления обошли Брестскую крепость с юга и с севера танковыми колоннами. Они блокировали цитадель пехотными частями и уже вечером первого дня войны продвинулись на восток на 50–60 километров.

Отдельные подразделения 6-й и 42-й стрелковых дивизий Красной армии, 17-го погранотряда и 132-го отдельного батальона войск НКВД остались в западне.

Более месяца немцы ничего не могли поделать с советскими солдатами. Какие только средства не применяли они – все впустую. До конца июня бои шли на территории всей крепости. Немцы атаковали по несколько раз в день. Защитники отбивали атаки, сами контратаковали врага, изумленного, удивленного. Силы советских воинов таяли, каждая атака и контратака отнимала людей. Боеприпасов не хватало. Еды не хватало. Воды... воды-то было много: две чистые реки извивались слева и справа, да только немцы, зная, что в крепости нет колодцев, не подпускали защитников к берегам.

Руководили обороной крепости майор П. М. Гаврилов, капитан В. В. Шабловский, старший политрук Н. В. Нестерчук, лейтенанты Н. В. Акимочкин, А. М. Кижеватов и другие командиры.

Андрей Митрофанович Кижеватов, начальник 9-й погранзаставы, родился в 1907 году в Пензенской области в крестьянской семье мордвина. В 1921 году бандиты убили его отца,

и он, как старший мужчина в большой семье, стал в четырнадцать лет опорой, кормильцем родных людей. На учебу времени не хватало. Но он выполнял и выполнил главную мужскую задачу: помог родным.

Пришла пора идти в армию. Здесь Андрей Митрофанович взялся за учебу, и дела у него пошли в гору. Он стал офицером пограничных войск, начальником заставы. Первые 5 месяцев и 21 день 1941 года прошли на заставе в трудной боевой работе.

...В 04:05 раздался мощный взрыв, и половина здания заставы рухнула. Немцы, используя момент внезапности, ворвались в Брестскую крепость, но развить успех им помешали пограничники Кижеватова и старшего лейтенанта Попова. Командиры действовали хладнокровно и взвешенно. По команде Кижеватова пограничники откопали в завалах оружие и дали бой врагу. Немцы наседали. Пулеметчики Еремеев и Данилов под огнем противника откопали еще один «Максим», незаметно пробрались в тыл немцам и уничтожили почти всех.

Но нацисты вновь ринулись в крепость. И вновь их отбросили за ворота. Начался артобстрел. Затем опять атака. Шесть их было в тот первый день. И ни один бой враг не выиграл. Пограничники, используя затишье (немцы, видно, обедали), перевели женщин и детей в подвалы 333-го стрелкового полка.

Вечером в подвал пришла дочь одного из военнослужащих. Немцы взяли ее в плен, но решили использовать девушку в качестве парламентаря. Она передала пограничникам требование сдаться в плен. Советские солдаты ультиматум отвергли. Затем прилетели самолеты. Они безнаказанно бомбили крепость, они хотели сровнять ее с землей. Они ее уничтожили. Но не уничтожили они защитников Брестской крепости, давно доложив начальству о ее взятии.

*Андрей Митрофанович
Кижеватов (1907–1941)*

Андрей Митрофанович Кижеватов (1907–1941)

Началась долгая, упорная борьба за цитадель. Женщины и дети мешали воинам. Это же очень грустно смотреть, как страдают твои самые любимые на свете люди, и осознавать свою беспомощность: воды нет, еды нет, одежды нет – есть только война. И женщинам, и детям,

быстро повзрослевшим, было тяжело смотреть на мужей и отцов, на их раны, на нескрываемую двойную печаль на их лицах: как победить немцев, как спасти семьи?

Наконец, офицеры решили отправить женщин и детей к немцам, надеясь на порядочность представителей великой немецкой нации. Не знали советские солдаты и командиры о том, что нация эта безнадежно и надолго заболела национал-социалистскими античеловеческими идеями, что пришли нацисты на советскую землю убивать, убивать, покорять... Не знали.

Женщины, конечно же, выполнили приказ, но в живых из них остались лишь единицы.

А мужчины продолжили непрерывный бой за свою солдатскую честь, за Родину, за Советский Союз.

Ночью 28 июня израненный и ослабевший Кижеватов собрал бойцов: всего семь человек осталось в живых. Он сказал им простые слова: «Вы сделали все, что смогли. Спасибо вам. А теперь приказываю вам разбиться на группы и прорываться к своим. Я остаюсь на заставе – я командир».

Это был первый приказ, который подчиненные не выполнили. Они остались с командиром. Кижеватов погиб, не зная, что вся его семья тоже погибла. И, наверное, так лучше. Кижеватов жил своей Родиной и своей семьей. Умирая, он твердо знал, что Советский Союз победит. Умирая, он очень хотел, чтобы вся его родня спаслась. И это хорошо, что он не узнал о гибели родных.

В подвалах, где бились с врагом пограничники 9-й заставы, лет десять спустя после войны, обнаружили надпись: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20.07.41». А еще позже советское правительство наградило многих защитников Брестской крепости орденами, а некоторых – званием Героя Советского Союза посмертно.

А. М. Кижеватову это высокое звание присвоили посмертно 6 мая 1965 года.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

В этот день прекрасно сражались с врагом не только пограничники, но и пехотинцы, танкисты, летчики, моряки, артиллеристы. Мы не можем рассказать обо всех подвигах, о массовом героизме советских солдат, но даже захватчики почувствовали в первые часы войны тревогу и страх.

Буквально в первые минуты великой войны звено истребителей во главе со старшим лейтенантом И. И. Ивановым вступило в бой с армадой немецких бомбардировщиков. Для советской авиации то был страшный день, в течение которого она потеряла 900 самолетов только на земле.

Сбив несколько машин врага, истребители звена Иванова израсходовали боеприпасы. А фашистские «Хе-111» выискивали цели, чтобы сбрасывать бомбы на аэродромы и железнодорожные узлы, на промышленные предприятия и городские кварталы. Один вражеский бомбардировщик мог уничтожить с десятков самолетов на земле, а то и больше. Немцев нужно было остановить.

Советский летчик ринулся на врага и обрубил фашистскому стервятнику хвост. «Хе-111» рухнул на землю, раздался оглушительный взрыв. Иванов из-за низкой высоты не смог выбраться с парашютом. Летчик погиб. (2 августа 1941 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.) В тот день таран применили Л. Г. Бутелин, Д. В. Кокорев, П. С. Рябцев, А. И. Мокляк, А. С. Данилов.

**Иван Иванович Иванов
(1909–1941)**

Иван Иванович Иванов (1909–1941)

КАПИТАН Н. Ф. ГАСТЕЛЛО

Николай Францевич Гастелло родился в 1908 году. Он закончил военную школу летчиков, участвовал в боях на реке Халхин-Гол и в советско-финляндской войне.

26 июня 1941 года командир эскадрильи Гастелло на самолете с экипажем в составе лейтенантов А. А. Бурденюка, Г. Н. Скоробогатова и старшего сержанта А. А. Калинина бомбил вражеские колонны, прорвавшиеся к Минску. Вражеская зенитка пробил бензобак самолета. Пламя сбить не удалось. Николай Гастелло направил самолет в скопление боевой техники врага. Раздался взрыв. Несколько танков и автомашин были уничтожены. Н. Ф. Гастелло присвоили звание Героя Советского Союза посмертно.

Буквально на следующий день на Украине подвиг Гастелло повторил летчик Д. З. Тарасов. Когда загорелся его бомбардировщик, он по радио связи приказал штурману Б. Д. Еремину, стрелку С. И. Ковальскому и радисту Б. Г. Капустину выбрасываться из самолета с парашютами. Экипаж отказался выполнить приказ. Командир направил бомбардировщик на танки немцев...

МЫ – СВЯЗИСТЫ!

17 июля немцы прорвались к штабу 22-го стрелкового корпуса на подступах к Луге. В штабе находилось несколько связистов во главе с заместителем политрука радиороты А. К. Мери. И вдруг немцы!

А. К. Мери занял с бойцами круговую оборону. Фашисты рванулись в атаку, получили отпор, откатились назад, вновь бросились в бой, понимая, что штаб защищает горстка солдат противника. И вновь бойцы Мери отбили атаку. Командира ранили, он продолжил руководить обороной. Еще одна атака – еще одно ранение, и вновь враг отошел.

**Николай Францевич Гастелло
(1907–1941)**

Николай Францевич Гастелло (1907–1941)

В том бою немцы потеряли несколько десятков человек убитыми, но так и не взяли штаб корпуса: к героям-связистам подоспела подмога, и враг отступил. Все бойцы А. К. Мери получили боевые награды, командиру присвоено звание Героя Советского Союза

ВЫСОТА «ПОГРАНИЧНАЯ»

Захватчики рвались к Кировской железной дороге, к Мурманску, где работал незамерзающий порт, откуда регулярно отправлялись эшелоны с военным грузом, с продуктами на юг. Немцам противостояли пограничники, части Красной армии и Северного Военно-морского Флота. Пограничный полк полковника Г. А. Жукова отражал натиск врага в районе Канда-лакши.

Город расположен в 276 километрах южнее Мурманска на побережье Кандалакшского залива Белого моря. Здесь работали порт и железнодорожная станция. Такой важный стратегический город немцы мечтали взять.

Бои здесь шли ожесточенные. Пограничники, солдаты и моряки цепко держали оборону, совершали рейды во вражеский тыл, крушили тыловые базы, нарушали коммуникации, сеяли панику в стане врага.

В начале сентября командир пограничного полка полковник Г. А. Жуков получил приказ уничтожить немцев на важной стратегической высотке. Она была хорошо укреплена. Отсюда немцы совершали дерзкие рейды. Здесь они чувствовали себя неуязвимыми.

Высота находилась в 100 километрах от расположения полка Г. А. Жукова. Получив приказ, полковник действовал быстро: несколько часов на сборы, сон и рано поутру в поход. Каждый пограничник нес личное оружие, боеприпасы, продовольствие (как минимум на неделю!), кроме этого, поровну были распределены станковые пулеметы, минометы, рации, катушки с кабелем, ящики с патронами и гранатами.

**Арнольд Константинович
Мери (1919–2009)**

Арнольд Константинович Мери (1919–2009)

По таежному бездорожью шли пограничники, глухими охотничьими тропами. Они преодолевали вброд извилистые быстрые реки, забирались по каменистым, человеком не ухоженным склонам сопок на вершины, оттуда, не задерживаясь, спускались в лесные дебри. Шли днем. Шли ночью. Спали мало. Зорко следили за небом. Вслушивались в шумы леса, рек, ручьев, боясь неосторожным движением выдать себя.

Более ста километров прошли пограничники за пять дней – великолепный результат! Но теперь предстояло главное: взять высоту, укрепленную тремя проволочными заборами, шестью рядами окопов, дзотами, защищенную каменистыми крутыми склонами да охраняемую крупными силами гитлеровцев. Их было на неприступной сопке как минимум вчетверо больше советских пограничников, уставших от изнурительного пятидневного перехода.

Пограничники скрытно подошли к высоте с тыла, дождались быстрой в Заполярье сентябрьской темноты, пробрались в овраг у самой сопки: отсюда, со дна оврага, она казалась высоченной горой, упиравшейся в звездную бесконечность. В отряде был всего один человек, который гор не боялся: бывший альпинист, а теперь сержант Иван Павлович Быков. До войны он совершил несколько сложных восхождений на вершины Кавказа, мечтал о Тянь-Шане, Памире и даже о Тибете. Сейчас перед ним высилась безымянная вершина, по альпинистским меркам не представлявшая сложности. Но взойти на нее, взять было практически невозможно.

Сержант Быков отобрал смельчаков. Вместо альпинистского снаряжения – винтовки, пулеметы, гранаты. Командир отряда расставил остальных людей. Внезапность атаки группы Быкова могла сыграть главную роль в бою. Но всем было ясно, что победить в неравном бою можно только в том случае, если сразу за группой сержанта на вершину взлетят все бойцы отряда. Нацистам нужно было показать, что на сопке ведет бой не отделение смельчаков, и даже не рота, а батальон. Альпинист или футболист, или обыкновенный болельщик, зритель – неважно. Ты пограничник. Ты профессиональный воин: винтовку, штык-нож, гранаты, пулемет в руки и вперед, на вершину. Тихо-тихо, чтобы случайный камень не сорвался из-под ноги и шумом не потревожил полусонного часового, не разбудил врага. Тихо-тихо, по-кошачьи, карабкались по крутым склонам пограничники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.